

Долгосрочная динамика неформальной занятости и ее связь с бедностью российского населения на фоне пандемии COVID-19

Светлана С. Бирюкова^{1, 2}, Оксана В. Синявская², Дарья Е. Карева²

¹ Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, 119034, Россия

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Россия

Получено 20 November 2021 ♦ Принято в печать 9 February 2022 ♦ Опубликовано 31 March 2022

Цитирование: SS Biryukova, OV Sinyavskaya, DE Kareva (2022) Long-term dynamics of informal employment and its relationship with the poverty of the Russian population against the backdrop of the COVID-19 pandemic. *Population and Economics* 6(1): 14–35. <https://doi.org/10.3897/pop econ.6.e78235>

Аннотация

Статья посвящена оценке распространенности неформальной занятости на российском рынке труда и оценке ее связи с рисками монетарной бедности. Эмпирической базой исследования стали данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения — РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2000–2020 гг. Расчеты показали, что на протяжении последних 20 лет в среднем около четверти российских занятых были включены в неформальный рынок труда по основной или дополнительной работе. Можно говорить о существовании на российском рынке труда нескольких зон неформальности, в которых действуют разные мотивы к деформализации, в частности: низкоквалифицированной занятости в неформальном секторе, занятости только в формате неформальных подработок («случайная занятость») и частичного ухода в неформальный сектор при сохранении официального трудового контракта по основному месту работы. Занятость с получением части или всей оплаты труда на основной работе неофициально — то есть без заключения формального контракта или с указанием в нем оплаты труда ниже фактической, с нарушением норм действующего регулирования — в большей степени распространена среди мужчин, молодежи и лиц раннего трудоспособного возраста, а также граждан с образованием ниже среднего специального. При этом в структуре занятых, получающих часть или всю оплату труда неофициально, преобладают, хотя и с незначительным перевесом, женщины, лица в возрасте 30–49 лет, а также граждане со средним специальным образованием. Регрессионный анализ показывает наличие статистически значимой связи между включенностью в неформальный рынок труда и рисками монетарной бедности: полностью неформальная занятость в 2019 г. связана с более высокими шансами попадания домохозяйства, в котором проживает респондент, в бедность, а в 2020 г. — с более низкими.

Ключевые слова

неформальная занятость, рынок труда, бедность, монетарная бедность, COVID-19

Коды JEL: J31, J46

Введение

Исследования неформальной занятости востребованы по ряду причин. Соотношение формального и неформального секторов экономики является структурным индикатором, выявляющим неоднородность отдельных отраслей с точки зрения производительности труда (в неформальном секторе производительность труда в среднем ниже), а также качество институциональной среды [Воскобойников, Гимпельсон, 2015]. Существенная часть рабочих мест в неформальном секторе характеризуется низкой и/или неустойчивой оплатой труда, занятое на таких рабочих местах население может быть подвержено повышенным рискам безработицы и бедности. Та часть неформального сектора, которая связана с экономической деятельностью без юридического оформления, не обеспечивает налоговых поступлений и снижает устойчивость системы государственного страхования рисков, связанных со здоровьем, временной потерей трудоспособности и старостью. Работники, занятые неформально, часто не получают социальных гарантий или получают их в неполном объеме, что повышает их уязвимость в периоды временной нетрудоспособности, а также во время экономических шоков и по завершении трудовой деятельности.

В краткосрочном периоде неформальная занятость может выполнять роль адаптационного механизма, компенсирующего потери доходов, и потому имеет контрциклическую динамику, показывая рост на фоне спада экономики [Loayza, Rigolini, 2011]. Особенно ярко этот эффект проявляется в наименее обеспеченных слоях населения, представители которых могут с большей готовностью идти на неформальные трудовые отношения в условиях неблагоприятной динамики на формальном рынке труда, поскольку для них маржинальный эффект от потери доходов оказывается высоким. На долгосрочном горизонте динамика неформальной занятости зависит от структуры и степени развития национальной экономики, а также от степени вмешательства государства в ее регулирование. Существующие исследования показывают, что экономический рост начала 2000-х гг. в России способствовал росту неформальной занятости: это было связано с происходящей реструктуризацией экономики и ростом секторов, распространенность неформальной занятости в которых высока: торговля, строительство, бытовые услуги [Гимпельсон, Зудина, 2011].

На протяжении последнего десятилетия в России произошел ряд событий, которые могли оказать существенное влияние на динамику неформальной занятости. Начиная с 2014 г. под влиянием различных внешних и внутренних шоков сокращаются или стагнируют реальные доходы населения [Овчарова и др., 2021]. В последние годы в России стремительно развивается платформенная экономика: создание цифровых платформ и развитие новых форматов взаимодействия работников с потребителями услуг, сближение предложения труда со спросом на него в отсутствие четкого регулирования и институциональных условий для становления этого (нового) сегмента экономики могут способствовать росту неформальной занятости. С 1 июля 2017 г. в российское нормативное поле введено понятие самозанятости. Простая процедура регистрации и мягкий налоговый режим («налог на профессиональный доход»), введенный для этой категории работников с 1 января 2019 г., должны были способствовать легализации части неформального сектора. Наконец, введение различных

ограничений, вплоть до приостановки деятельности предприятий и почти полного запрета на работу целых отраслей экономики в период пандемии COVID-19 в 2020-2021 гг., также могло оказать существенное влияние на структуру российской экономики с точки зрения соотношения формального и неформального секторов: с одной стороны, пострадавшие в пандемию сектора и предприятия отличались более высокими уровнями неформальной занятости, что могло привести к сокращению числа неформальных рабочих мест, а с другой стороны, сокращения сотрудников в условиях снижения выручки предприятий и ликвидации части из них, рост безработицы в условиях замедления экономики — все это могло стать факторами деформализации экономики. Названные изменения могли привести к существенной реструктуризации рынка труда, причем направления этих изменений, как видно из приведенного описания, могут быть противоположными. В связи с этим особый интерес представляет исследование длинных рядов показателей.

Сложность статистического наблюдения за неформальным сектором экономики обуславливает дефицит исследований в этом направлении. Настоящая работа, не претендуя на исчерпывающую характеристику неформальной части российской экономики, призвана дополнить имеющуюся информацию относительно основных характеристик неформально занятых работников, проследить динамику в этом сегменте на длинном временном интервале, а также оценить связь неформальной занятости с рисками монетарной бедности населения, в том числе в первый год развития пандемии COVID-19.

Статья структурирована следующим образом: в первом разделе авторы приводят определения основных понятий и описывают эмпирическую базу работы; второй раздел посвящен обсуждению возможных направлений связи неформальной занятости с рисками монетарной бедности и формулировке гипотез исследования; в третьем разделе дана оценка динамики распространённости неформальной занятости в России и основных изменений в социально-демографических характеристиках неформально занятых работников. В четвертом разделе статьи представлены результаты регрессионного анализа связи между неформальной занятостью населения и риском монетарной бедности в 2019 и 2020 гг. В заключительной части обозначены основные выводы и ограничения представленного исследования.

1. Основные определения и эмпирическая база работы

В России в системе официальной статистики занятые в неформальном секторе определяются как «лица, которые в течение обследуемого периода были заняты по меньшей мере в одной из производственных единиц неформального сектора независимо от статуса занятости и от того, являлась ли данная работа для них основной или дополнительной. Критерием определения единиц неформального сектора принято отсутствие государственной регистрации в качестве юридического лица» [Росстат, без года]. Однако это не единственный существующий в литературе подход к определению неформальной занятости: ограничения существующих данных и специфика прикладных задач, которые решают те или иные авторы, вынуждают искать иные дефиниции; иногда они могут входить в противоречие друг с другом и давать оценки с широким разбросом (об этом см. [Капелюшников, 2013; Гимпельсон, Зудина, 2011 и др.]).

Подавляющая часть используемых определений может быть отнесена к одному из двух подходов: производственному или легалистскому. В соответствии с производственным подходом к неформальному сектору экономики относятся рабочие места на частных предприятиях, владельцами которых выступают индивиды или домашние хозяйства, не имеющие статус юридического лица, и самозанятые работники. Легалистский подход отделяет неформальную

занятость от формальной, анализируя, насколько предприятия или частные лица следуют установленным в экономическом поле нормативным правилам [Гимпельсон, Зудина, 2011].

И в том, и в другом случае затруднительно применение бинарного принципа: всю совокупность рабочих мест практически никогда нельзя разделить на строго формальные и неформальные единицы. В рамках каждого из подходов к определению неформальной занятости, как отмечают в своей работе В. Гимпельсон и А. Зудина, «можно говорить о континууме рабочих мест, внутри которого соотношение формального и неформального может меняться и включать разные наборы характеристик» или о «непрерывном континууме состояний, ограниченных полной формальностью с одной стороны и полной неформальностью — с другой» [Гимпельсон, Зудина, 2011: 4]. С учетом распространенной на российском рынке труда практики сочетания основной и дополнительной занятости, основной занятости и подработок и проч., этот тезис можно расширить и говорить о континууме различных сочетаний, поскольку признаки неформальной занятости могут проявляться на основной работе, дополнительной или в подработках.

В настоящей статье к формально занятым работникам относятся занятые на предприятиях и в организациях с использованием трудового соглашения или контракта, получающие оплату своего труда официально, без использования неформальных, «серых» платежей. Работники, занятые вне этого корпоративного сектора, а также работники, получающие часть оплаты неофициально, формируют сегмент неформальной занятости. Такое определение опирается на «производственный» подход к определению неформальной занятости (см. [В тени регулирования..., 2014]), расширяя его за счет отнесения к неформальной занятости «экономической деятельности, связанной с производством качественных (легальных) товаров или услуг на продажу (за вознаграждение), но с нарушением — полным или частичным — норм действующего [трудового или налогового] законодательства» ([Синявская, 2005]; в своей работе О. Синявская характеризует этот сегмент как «подпольная занятость»). Иными словами, мы используем широкое определение и в качестве неформальной занятости рассматриваем все виды трудовых отношений, связанные с получением не декларируемых доходов (полностью или частично) либо с отсутствием формального трудового контракта (схожий подход см., например, в [Williams, Windebank, 2015]). Это во многом соответствует подходу определения неформальной занятости на основе характеристик рабочего места, предложенному МОТ и отраженному в рекомендациях 17-й международной конференции статистиков труда [ILO, 2002; ILO, 2003].

В зависимости от сюжетов, которые мы рассматриваем по ходу анализа, это определение применяется к основной занятости либо ко всей занятости индивидов — основной, дополнительной и подработкам. В ряде случаев мы фокусируем свое внимание исключительно на механизмах получения трудового дохода (официально либо частично или полностью неофициально), так как такой подход позволяет в достаточно полной мере охватить сегмент неформальной занятости, поскольку получение неофициального дохода предполагает отсутствие формального контракта с работодателем либо наличие такого контракта и выплату части заработной платы с нарушением действующих законодательных норм; в таком случае, однако, из поля нашего зрения выпадают самозанятые лица.

Представленные в работе расчеты основываются на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения [РМЭЗ НИУ ВШЭ]. Для оценки динамики распространенности неформальной занятости рассматриваются длинные ряды с 2000 по 2020 гг., полученные на основе обработки репрезентативных массивов индивидуальных анкет респондентов в возрасте 15 лет и старше. При рассмотрении состава трудовых доходов (наличия неофициальной оплаты труда) авторы представляют ряды с 2008 г., поскольку до этого момента необходимые вопросы в анкете РМЭЗ не задавались.

2. Связь неформальной занятости с рисками монетарной бедности: обзор литературы

В рамках модернизационной теории широкий сегмент неформальной занятости принято считать признаком развивающихся и отстающих (слабо развитых) экономик, в связи с чем неформальная занятость становится признаком незащищенности, неоптимальности; она является не добровольным, но вынужденным выбором работников в отсутствие достаточного количества формальных рабочих мест и развитой экономической инфраструктуры. Неолиберальная теория рассматривает неформальную экономику как механизм сопротивления сверхрегулированию и высокому налоговому бремени, а неформально занятых работников — как рационально действующих экономических агентов, избегающих избыточного институционального давления; в таком случае неформальная занятость будет получать большее распространение в экономиках с высокими налогами и уровнем государственного вмешательства. Наконец, теория политической экономии рассматривает неформальную занятость как следствие недостаточного регулирования экономики, то есть слабых механизмов защиты прав работников и поддержки населения; в таких условиях предприятия, нацеленные на максимизацию собственной прибыли и сокращение издержек, выталкивают работников за пределы сегмента формальной занятости (цит. по обзору в [Williams, Windebank, 2015]). Описанные теоретические концепции по-разному интерпретируют выбор работников в пользу неформальной занятости и позволяют предположить разные направления влияния статуса неформального работника на его экономическое положение: уровень доходов, шансы попадания в бедность, защищенность от основных социально-экономических рисков.

С одной стороны, занятость в неформальном секторе экономики может быть связана с нестабильностью доходных поступлений, неустойчивостью, повышенными рисками безработицы, особенно в период экономических шоков. Это может повышать уязвимость работников и выталкивать их в зону бедности. Кроме того, неформальная занятость в низкопроизводительных секторах в целом может быть связана с невысокой оплатой труда, что также может работать на повышение рисков монетарной бедности. Однако в то же время неформальная занятость даже в низкопроизводительном секторе может выполнять функцию адаптационного механизма в периоды экономической неустойчивости.

С другой стороны, если неформальная занятость является осознанным выбором квалифицированного работника, занятого в высокопроизводительном сегменте экономики, и этот выбор связан с желанием максимизировать собственные доходы за счет вывода части трудовых доходов в поле неофициальных платежей и, соответственно, сокращения обязательных налоговых платежей и отчислений в государственные фонды, то неформальный статус может быть связан с относительно более высоким материальным положением. При этом такая стратегия поведения может быть обусловлена частичным уходом в неформальность при сохранении формального трудового контракта и, соответственно, основных социальных и трудовых гарантий. В условиях меняющихся институциональных рамок — пересмотра правил начисления различных страховых выплат, реструктуризации пенсионной системы — такой выбор может выглядеть экономически рациональным не только в кратко-, но и в долгосрочной перспективе.

Как отмечают В. Аникин и Н. Тихонова, в России одной из причин роста распространенности неформальной и нестандартной занятости является дефицит рабочих мест для низкоквалифицированных работников в формальном секторе экономики [Аникин, Тихонова, 2014]. В такой ситуации можно предположить, что неформальная занятость, являясь вынужденным выбором в условиях экономического дисбаланса, будет связана с относительно низкими доходами и условиями труда, повышенной уязвимостью работников с точки зрения бедности.

Описанная ситуация наблюдалась, к примеру, на польском рынке труда во второй половине 2000-х гг. [Cichoński, Tyrowicz, 2010]. Отчасти об этом также свидетельствуют результаты недавнего исследования экспертов Всемирного банка, выявившего статистически значимый и увеличивающийся в последнее десятилетие разрыв в зарплатах между формально и неформально занятыми, а также связь неформальной занятости с повышенными рисками бедности, хотя и менее устойчивую и незначимую для неформальных наемных работников [Kim et al., 2019].

В то же время существуют работы, показывающие, что расширение сегмента неформальной занятости может выполнять роль значимого фактора снижения бедности в отдельных (прежде всего депрессивных) регионах (см., например, [Магомедова, Магомедова, 2012]); неформальная занятость «лучше» безработицы с точки зрения материального положения населения. Косвенно об этом свидетельствует и тот факт, что, по данным оценок на основе статистики, размер неформального сектора изменяется контрциклически в отношении к динамике уровня безработицы [Гимпельсон, 2002], то есть вероятно, что неформальная занятость становится механизмом обеспечения занятости для людей, не имеющих возможности устроиться на формальном рынке труда. В пользу этого предположения свидетельствуют результаты зарубежных работ по развивающимся странам, где неформальная занятость является основным доходом наименее благополучных слоев населения и связана с сокращением глубины их бедности и ее масштабов (см. метаобзор [Sharma, Adhikari, 2020]). При этом удовлетворенность работой, субъективное благосостояние и субъективный социальный статус неформально занятых работников в России не отличаются от тех же параметров занятых в формальной экономике [Kim et al., 2019], а самозанятые работники оценивают свое положение даже выше занятых по найму в формальном секторе экономики [Зудина, 2013].

Опираясь на описанные выше взаимосвязи, авторы данной работы формулируют следующие гипотезы:

- неформальная занятость на российском рынке труда будет получать большее распространение в периоды экономических спадов;
- в России неформальная занятость будет связана с более низкими по сравнению с формальным сегментом экономики доходами и, следовательно, с более высокими рисками монетарной бедности.

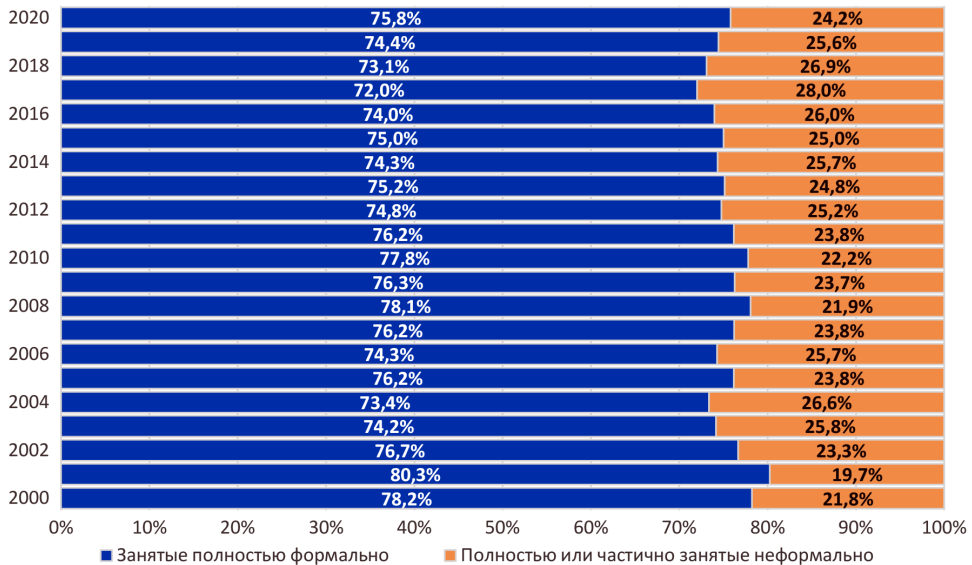
3. Оценка распространенности неформальной занятости в России

Результаты расчетов на основе данных РМЭЗ свидетельствуют о том, что на протяжении последних 20 лет в среднем около четверти занятых в России были включены в неформальный рынок труда по основной или дополнительной работе (рис. 1)¹. Максимальная распространенность неформальных отношений за весь период наблюдения зафиксирована в 2017 г. (28% занятых респондентов были заняты неформально полностью или частично), минимальная — в 2001 г. (19,7% занятых респондентов). Наши расчеты показывают мягкую волнообразную динамику показателей: довольно заметную деформализацию рынка труда в период экономического роста начала 2000-х гг. (2001–2004 гг.), затем — плавное снижение доли респондентов,

---

¹ Для оценки распространенности неформальной занятости используется подвыборка респондентов, указавших, что они работают или находятся в любом оплачиваемом либо неоплачиваемом отпуске, при ответе на вопрос об основном занятии. Размер выборки за каждый из годов наблюдения приведен в Приложении 1.

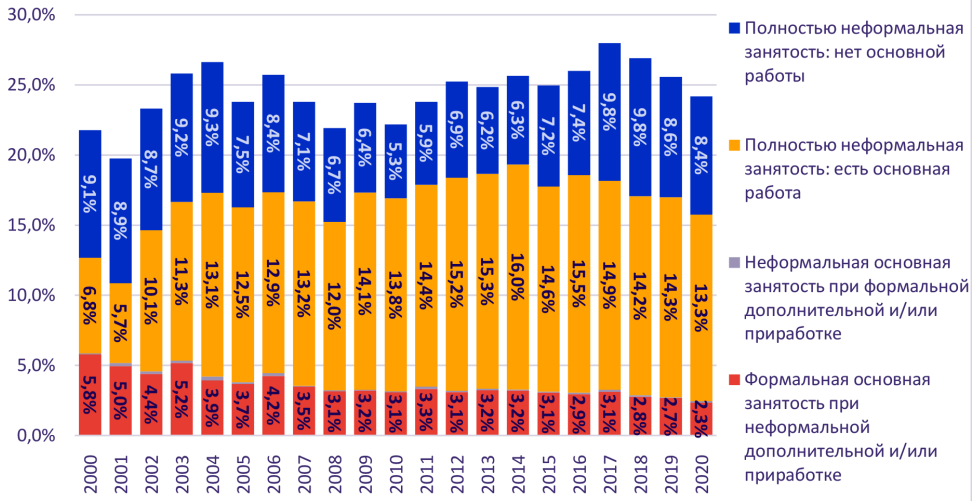
включенных в неформальные трудовые отношения, в 2004–2008 гг., такой же плавный рост неформально занятых в 2009–2017 гг. и очередное сокращение в 2018–2020 гг. В последний год наблюдений (2020 г.) доля занятых неформально по основному или дополнительному месту работы составила 24,2%, сократившись по сравнению с предыдущим периодом на 1,4 п.п.; таким образом, в год пандемии наметившиеся ранее тенденции не прервались, негативные последствия введенных ограничений на рынке труда не привели к деформализации занятости. Это может быть связано как с тем, что наибольшие потери от временных локдаунов и режима удаленной занятости понесли в первую очередь предприятия сферы обслуживания и торговли, которые характеризуются относительно высокой распространенностью неформальных трудовых отношений, так и с сокращением предложения на рынке труда в связи с закрытием границ и отъездом значительной части трудовых мигрантов.

Рис. 1. Распространённость неформальной занятости: неформальность на основной или дополнительной работе (включая приработки), 2000–2020 гг. *Примечание:* В 2000–2001 гг. неформальная/формальная занятость определяется без учета вопросов об оформлении на работе в связи с их отсутствием в опросном листе. Вопрос об оплате труда на основной работе задается с 2008 г. *Источник:* авторские расчеты на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Более детальное рассмотрение состава неформально занятых показывает, что практика формальной занятости по основному месту работы и неформальной — по дополнительному или в части подработок постепенно получает все меньшее распространение на российском рынке труда (рис. 2). Если в начале 2000-х гг. на долю таких респондентов приходилось более 5% в общей структуре занятых, то к 2020 г. — только 2,3%. Основную часть неформально занятых практически на протяжении всего рассматриваемого периода составляют лица, полностью работающие в неформальном секторе и имеющие в нем основную работу. Следующая по наполненности группа — включенные в неформальный сектор занятости через дополнительную работу или подработки. В эту группу в том числе попадают молодежь, временно нетрудоспособные респонденты и пенсионеры, занимающиеся регулярными или эпизодическими подработками для повышения собственного дохода; последние могут предпочитать занятость в неформальном секторе для сохранения основных пенсионных прав в полном объеме.

Рис. 2. Структура неформальной занятости: неформальность на основной или дополнительной работе (включая приработки), 2000–2020 гг., % от общей численности респондентов, включенных в неформальные трудовые отношения. *Примечание:* В 2000–2001 гг. неформальная/формальная занятость определяется без учета вопросов об оформлении на работе в связи с их отсутствием в опросном листе. Вопрос об оплате труда на основной работе задается с 2008 г. *Источник:* авторские расчеты на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

В целом, как показывает анализ данных РМЭЗ, в России практика заключения формального трудового контракта на дополнительной работе или подработках распространена достаточно слабо. Если доля респондентов, занятых по контракту на основной работе, на протяжении рассматриваемого периода остается достаточно стабильной и устойчиво превышает 80%, то формальный контракт на дополнительной работе и при выполнении подработок заключают не более чем в четверти случаев (см. табл. 1). При этом на долгом горизонте распространенность этой практики снижается: от 23% в среднем в начале 2000-х гг. до 15% в среднем в конце 2010-х гг.

Таблица 1. Распространенность формального трудоустройства по основной и дополнительной работе, 2002–2020 гг., %

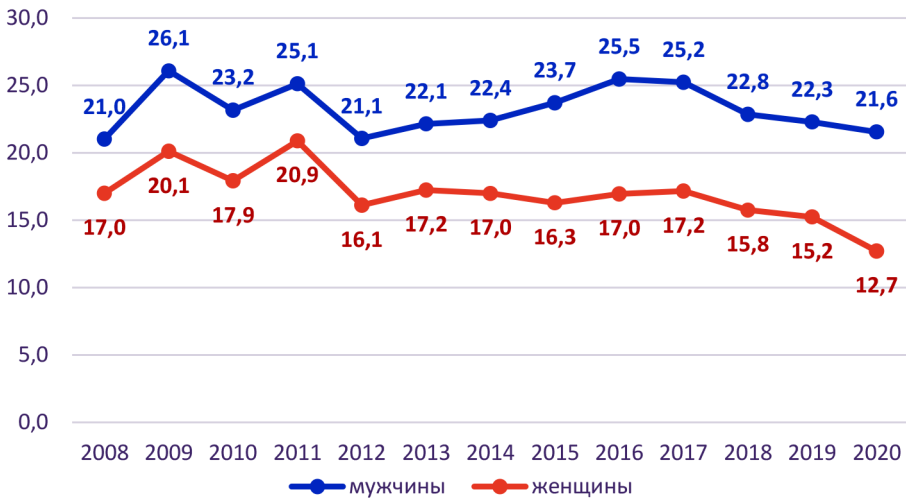
	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Доля оформленных по контракту на основной работе, % от имеющих основную работу	88,6	87,2	85,1	86,2	85,6	85,7	86,9	84,7	85,3	84,4
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	
	83,5	83,4	82,7	84,0	83,0	83,2	84,0	84,1	85,2	
Доля оформленных по контракту на дополнительной работе и подработках, % от имеющих дополнительную работу или подработки	26,1	20,5	21,6	23,1	20,6	22,0	23,2	23,9	25,2	23,7
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	
	20,2	21,5	16,9	19,5	16,4	14,2	12,0	18,2	15,7	

Примечание: В 2000–2001 гг. вопросы об оформлении на работе отсутствуют в опросном листе. *Источник:* авторские расчеты на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Как минимум один работник, занятый неформально по основному месту работы, есть в 13,8% российских домохозяйств, а в составе 15,2% домохозяйств есть работники, получающие часть или весь доход от основной занятости неофициально. Вероятность включения в неформальную занятость ожидаемо растет с размером домохозяйства (например, в 2020 г. — с 5,3% в домохозяйствах одиночек до 25% в домохозяйствах, состоящих из пяти и более человек). С одной стороны, в крупных домохозяйствах чаще проживают несколько лиц трудоспособного возраста, каждый из которых может быть занят неформально, с другой — с увеличением размера домохозяйства увеличивается среднее число иждивенцев в его составе (несовершеннолетних детей, пенсионеров и др.), и их наличие обуславливает необходимость поиска дополнительной работы и подработок, в том числе и в неформальном секторе экономики.

Распространенность неформальной занятости выше среди мужчин. Так, в период с 2008 по 2020 гг. не менее 21% занятых мужчин в выборке получали по крайней мере часть оплаты по основному месту своей работы неофициально (горизонт анализа обусловлен тем, что вопрос об оплате труда на основной работе задается в обследовании РМЭЗ с 2008 г., и именно с этого момента возможно проведение более точных межгрупповых сравнений), в то время как среди женщин этот показатель превзошел 20% лишь в два года наблюдения — в 2009 и 2011 гг. Этот результат согласуется с оценками по другим данным: как официальная статистика, так и выборочные обследования демонстрируют большую распространенность неформальной занятости в России среди мужчин [Муханова, 2017; Каримов, Фаткуллина, 2021]. Дополнительно можно отметить, что данные РМЭЗ указывают на рост распространенности неформальных платежей среди занятых мужчин в период экономического спада и стагнации 2014–2017 гг. и стабилизацию этого показателя — среди женщин.

Рис. 3. Доля мужчин и женщин, получающих часть или всю оплату труда по основному месту работы неофициально, 2008–2020 гг., %. *Примечание:* в 2008–2014 гг. вопрос об оплате труда по основному месту работы задается в формате «Как Вы думаете, какой процент этих денег был проведен официально, то есть с них были уплачены налоги?», с 2015 г. — в более общем виде: «Как Вы думаете, все ли эти деньги были проведены официально?». С этим изменением могут быть связаны колебания в распределении ответов (до 2015 г. вопрос мог вызывать у респондентов больше затруднений). В связи с этим, строго говоря, сопоставление динамики корректно на двух интервалах: 2008–2014 гг. и 2015–2020 гг.; это относится к результатам, приведенным на рис. 3 и 4, в табл. 2 и 3. *Источник:* авторские расчеты на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

В структуре занятых, получающих часть или всю оплату труда по основному месту работы неофициально, незначительно преобладают женщины, однако со временем эти различия сглаживаются: если в 2008 г. в числе респондентов, указавших на получение части или всего дохода неофициально, на женщин приходилось 57,9%, а на мужчин — 42,1%, то в 2020 г. эти доли составили 55,3% и 44,7% соответственно.

Анализ данных РМЭЗ в возрастном разрезе показывает стабильно высокую долю получающих неформальные трудовые доходы в наиболее молодых группах населения (см. табл. 2). Минимальные показатели на протяжении всего наблюдаемого периода показывают группы предпенсионных и пенсионных возрастов. При этом включенность в занятость с неофициальными платежами по основному месту работы во всех группах населения показывает схожую динамику: рост в период экономического кризиса 2009 г. (во всех группах, за исключением наиболее молодой), затем небольшое сокращение в период до 2013 г. и снова рост на фоне ухудшения экономической ситуации, начавшегося в 2014 г.

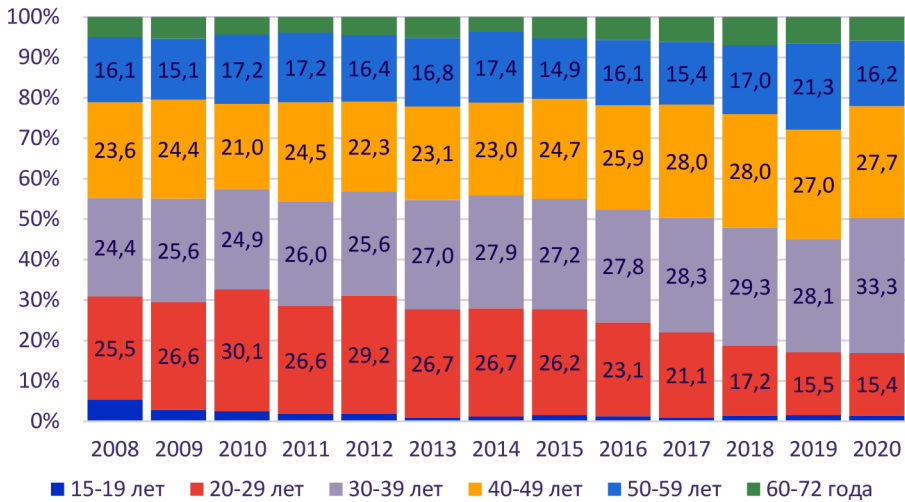
Высокая относительно других групп населения включенность молодежи в практики неформальной занятости согласуется с результатами других исследований [Каримов, Фаткуллина, 2021; Гимпельсон, Зудина, 2011]. В то же время указанные работы свидетельствуют также о большей распространенности неформальной занятости среди пожилых (в отдельных работах эта закономерность наблюдается в сельской местности — см. [Муханова, 2017]), которая не проявляется в наших расчетах. Вероятно, это связано с тем, что их авторы оперируют определением Росстата и относят к неформальному сектору занятых в личном подсобном хозяйстве (ЛПХ), во многом остающихся за рамками рассматриваемой в данной работе.

Таблица 2. Доля получающих часть или всю оплату труда по основному месту работы неофициально в различных возрастных группах, 2008–2020 гг., %

Возраст	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
15-19	34,0	30,6	30,1	33,3	32,3	21,2	31,4	42,9	48,3	42,9	43,3	42,4	36,0
20-29	16,1	21,4	19,6	19,6	17,9	18,2	19,3	23,3	24,0	23,8	19,5	18,6	16,8
30-39	14,8	19,5	16,0	17,5	15,0	16,4	17,3	19,1	20,5	20,5	18,7	17,5	17,1
40-49	13,1	17,6	14,6	18,7	14,0	14,8	15,4	18,8	20,6	21,3	19,0	17,9	15,9
50-59	10,4	12,1	12,6	13,9	11,1	11,8	12,8	13,0	15,1	14,5	15,1	18,1	14,4
60-72	11,9	14,0	11,5	11,7	10,3	12,2	8,6	13,0	14,2	14,4	14,6	12,3	12,7

Источник: авторские расчеты на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Если взглянуть на возрастную структуру занятых, частично или полностью получающих оплату труда по основному месту работы неофициально, можно увидеть, что значительную часть этой группы составляют лица в активном трудоспособном возрасте — 30–49 лет (рис. 4). При этом за период с 2008 по 2020 г. в структуре этой группы существенно сократилась доля работников в возрасте до 30 лет. В первую очередь это, как и плавное увеличение долей населения более старших трудоспособных возрастов, связано с произошедшими изменениями в структуре населения России: если в 2008 г., по данным официальной статистики, доля молодежи 15–29 лет в общей численности населения составляла 24%, то к 2020 г. она снизилась до 16%. Наибольший интерес в приведенных на рис. 4 данных представляет резкое сокращение в последнее время доли лиц в возрасте 50–59 лет в структуре получающих неофициальную оплату труда: с 21,3% в 2019 г. до 16,2% в 2020 г. По-видимому, риски, связанные со здоровьем, возникшие во время пандемии COVID-19, привели к временному отказу людей предпенсионного возраста от неформальной занятости (с неофициальной оплатой труда).

Рис. 4. Структура занятых, получающих часть или всю оплату труда по основному месту работы неофициально, по возрасту, 2008–2020 гг., %. *Источник:* авторские расчеты на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

В табл. 3 приведены сведения о распространенности неофициальной оплаты труда среди респондентов с разным уровнем образования. Из таблицы видно, что на всем периоде наблюдения прослеживается четкий градиент: максимальная включенность в неофициальные схемы оплаты фиксируется среди респондентов с образованием ниже среднего специального (в отдельные годы показатель в группе приближается к 30%), а минимальная — среди респондентов с высшим образованием. При этом в структуре получателей неофициальных платежей максимальную долю составляют занятые со средним специальным образованием: на них во все годы приходится около половины случаев (46,2% в 2008 г., 48,5% в 2020 г.; минимум — 43,9% в 2021 г.; максимум — 51,7% в 2009 г.). Это хорошо согласуется с упомянутым выше выводом В. Аникина и Н. Тихоновой о дефиците рабочих мест для низкоквалифицированных работников в формальном сегменте экономики [Аникин, Тихонова, 2014].

Таблица 3. Доля занятых, получающих часть или всю оплату труда по основному месту работы неофициально, в группах по уровню образования (укрупненные группы), 2008–2020 гг., %

Уровень образования	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Ниже среднего специального	16,4	20,0	21,2	20,3	20,3	19,5	20,8	27,8	28,7	26,6	27,1	24,3	23,3
Среднее специальное	14,2	19,5	16,6	18,4	14,0	16,2	16,9	19,1	21,5	21,3	19,8	19,5	17,8
Высшее	12,2	13,8	11,3	13,7	11,2	11,2	11,5	12,9	13,8	14,6	12,2	12,6	11,6

Источник: авторские расчеты на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ.

4. Связь неформальной занятости с бедностью: 2019 и 2020 гг.

Для исследования связи неформальной занятости с бедностью населения мы обращаемся к измерению совокупного дохода домохозяйств, в которых проживают респонденты, и рассмотрению бедности на домохозяйственном уровне — в соответствии с подходом, используемым в официальной национальной статистике. В этой части работы мы фокусируемся на двух годах: 2019 г., характеризующем ситуацию на российском рынке труда до начала пандемии COVID-19 и связанных с ней изменений в занятости, и 2020 г., первым годом масштабного развития пандемии, — и проводим регрессионный анализ на основе массивов 28-й и 29-й волн обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ соответственно.

Расчет дохода домохозяйства производится на основе вопросов, заданных в домохозяйственном вопроснике РМЭЗ. В сумму доходов включены трудовые доходы всех членов домохозяйства (за вычетом налогов и других отчислений), пенсии и пенсионные доплаты, стипендии, все виды пособий, субсидий и льгот (в денежном эквиваленте), доходы от продажи или аренды имущества, денежных вкладов, акций, облигаций, ценных бумаг и других капитальных вложений, алиментные платежи, выплаты по страховкам и средства от возврата долгов, налоговые вычеты (с пересчетом годовой суммы в месячный эквивалент), а также доходы от реализации произведенных в ЛПХ, в ходе собирательства или охоты товаров.

Для определения статуса домохозяйства оцененный совокупный доход сравнивается с прожиточным минимумом домашнего хозяйства, рассчитанным на основе данных о величинах региональных прожиточных минимумов для трудоспособного населения, пенсионеров и детей за IV квартал соответствующего года. В том случае, если совокупный доход домохозяйства оказывается меньше его суммарного прожиточного минимума, оно относится к бедным. Доля бедных домохозяйств в выборке РМЭЗ 2019 г. составила 12,8%, в выборке 2020 г. — 14,5%.

В связи с тем, что уровень материальной обеспеченности и бедности традиционно оценивается на домохозяйственном уровне с использованием показателей среднедушевого дохода и в значительной степени зависит от размера и структуры домохозяйства, в то время как характеристики занятости являются индивидуальными, регрессионный анализ проводится на индивидуальном уровне, но с включением ряда домохозяйственных характеристик в качестве регрессоров. С учетом того, что лица, включенные в индивидуальную базу РМЭЗ, могут проживать в одних и тех же домохозяйствах и, соответственно, иметь равные уровни душевого дохода и иные наблюдаемые и не наблюдаемые характеристики, при оценке регрессионных моделей наблюдения были кластеризованы на уровне домохозяйств (по идентификатору домохозяйства).

Регрессионный анализ осуществлен в статистическом пакете SPSS с использованием его функционала для сложных выборок. На этапе подготовки данных к анализу был создан файл, в котором данные кластеризуются по идентификационной переменной номера домохозяйства, используемый метод построения выборки — отбор с возвращением (СВ). На его основе оценена серия логистических регрессий, в которых зависимой переменной является статус бедности (оценка на домохозяйственном уровне в привязке к индивиду; переменная рассчитана по описанной выше методике с опорой на расчетный показатель совокупного дохода домашнего хозяйства и оценку его регионального прожиточного минимума).

Регрессии оцениваются для занятых респондентов, отобранных из файла репрезентативной выборки РМЭЗ; на домохозяйственном уровне в выборку попадают, соответственно, все домашние хозяйства, в составе которых есть хотя бы один занятый индивид. Итоговые числа наблюдений в каждой из моделей зависят от спецификации и числа пропущенных значений по включенным в нее переменным; они указаны в последних строках приведенных в тексте таблиц.

Базовый набор контрольных переменных в моделях включает:

- пол и возраст респондента;
- уровень его образования: укрупненные группы — неоконченное высшее, среднее специальное, ниже среднего специального образования;
- состояние здоровья респондента (самооценка);
- тип поселения в месте проживания респондента (четыре категории: (1) село / поселок городского типа, (2) город, не являющийся областным центром, (3) областной центр, (4) Москва и Санкт-Петербург);
- наличие пенсионеров в составе домашнего хозяйства;
- число несовершеннолетних детей в составе домашнего хозяйства (категориальная переменная, принимающая три значения: 0, 1, 2 и более детей в возрасте до 18 лет в домохозяйстве).

Основная независимая переменная, связь которой с бедностью находится в фокусе нашего интереса, — это статус занятости респондента с точки зрения включенности в неформальный рынок труда: переменная принимает три значения: (1) отсутствие неформальной занятости, то есть полностью формальная занятость (на основном месте работы и, в случае их наличия, на дополнительной работе и приработках), (2) наличие частичной неформальной занятости и (3) полный уход в неформальный сектор по основному или, в случае наличия, дополнительному месту работы и приработкам. Неформальность в данном случае определяется через отсутствие официального оформления на работу или получение части или всей оплаты труда неофициально.

В ходе тестирования моделей в них также были дополнительно включены переменные, характеризующие занятость респондента:

- наличие подчиненных на работе — характеристика должностного статуса;
- продолжительность рабочей недели: 40 и более часов в неделю (полная занятость) и менее 40 часов в неделю (неполная занятость);
- наличие у респондента дополнительной работы или приработка;
- статус собственности организации / предприятия, на котором занят респондент (государственная / частная; включение этой переменной сужает выборку регрессии, поскольку исключает респондентов, не занятых у юридических лиц и, соответственно, затрудняющихся с ответом на этот вопрос).

Оценка моделей различной конфигурации показала устойчивые результаты с точки зрения направления влияния контрольных и независимой переменных. Максимальные значения коэффициентов псевдо R-квадрат показывают модели с широким набором регрессоров; результаты оценки двух моделей, включающих полный перечень описанных выше переменных, кроме формы собственности организации / предприятия, а также с включением этой переменной, приведены в табл. 4 и 5 ниже.

Тестирование моделей различных конфигураций не показало статистически значимой связи частично неформальной занятости с шансами попадания респондента и домохозяйства, в котором он(а) проживает, в бедность ни в предпандемийный, ни в пандемийный годы.

Полностью неформальная занятость в 2019 г. оказывается статистически не значимой в отсутствие контроля на статус собственности организации (табл. 4), но связана с более высокими шансами попадания в бедность при включении такой переменной в модель (в 1,6 раза более высокие шансы попадания в бедность, оценка значима на 5%-ном уровне; табл. 5). Таким образом, в предпандемийный период деформализация трудовых отношений на предприятиях была связана с более низким уровнем доходов и повышенными рисками бедности.

Таблица 4. Результаты оценки логистических регрессий: связь бедности со статусом занятости и основными социально-демографическими характеристиками респондента и домашнего хозяйства, в котором он проживает. Модель 1: узкий набор переменных, 2019 и 2020 гг.

		2019		2020	
		Exp(B)	Стат. значимость	Exp(B)	Стат. значимость
Пол	Мужской	0,770	0,002	0,789	0,006
	Женский (реф.)	1		1	
Возраст	60 лет и старше	0,174	0,010	0,223	0,003
	50-59 лет	0,516	0,237	0,270	0,003
	40-49 лет	0,860	0,777	0,508	0,119
	30-39 лет	0,727	0,551	0,442	0,064
	20-29 лет	0,918	0,876	0,457	0,076
	15-19 лет (реф.)	1		1	
Образование	Ниже среднего специального	2,611	0,000	2,202	0,000
	Среднее специальное	1,906	0,000	1,451	0,004
	Неоконченное высшее и выше (реф.)	1		1	
Состояние здоровья (самооценка)	Плохое	1,370	0,340	1,074	0,820
	Среднее	1,170	0,212	1,163	0,192
	Хорошее (реф.)	1		1	
Тип поселения	Село/ПГТ	1,698	0,020	1,707	0,019
	Город	0,950	0,827	1,093	0,696
	Областной центр	0,577	0,027	0,788	0,310
	Москва/Санкт-Петербург (реф.)	1		1	
Наличие пенсионеров в домохозяйстве	Есть	0,522	0,000	0,537	0,000
	Нет (реф.)	1		1	
Наличие детей до 18 лет в домохозяйстве	2 и более детей	6,997	0,000	6,028	0,000
	1 ребенок	2,392	0,000	1,915	0,000
	Нет (реф.)	1		1	
Статус занятости	Полностью неформальная	1,176	0,249	0,774	0,074
	Частично неформальная	1,059	0,907	1,903	0,197
	Формальная (реф.)	1		1	
Наличие подчиненных	Нет	1,681	0,002	1,668	0,001
	Есть (реф.)	1		1	
Продолжительность рабочей недели	39 часов и менее	1,124	0,382	1,265	0,071
	40 часов и более (реф.)	1		1	
Наличие дополнительной работы или приработка	Есть	0,911	0,814	0,531	0,135
	Нет (реф.)	1,000		1,000	
Размер выборки		4716 наблюдений 2913 кластеров		4912 наблюдений 2827 кластеров	
Псевдо-R ² (Нейджелкерк)		0,233		0,206	

Примечание: Модели значимы на уровне $p = 0.01$.

Источник: авторские расчеты на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ 2019 и 2020 гг.

В то же время в 2020 г. полностью неформальная занятость связана с практически двукратно более низкими по сравнению с формальной занятостью шансами попадания в число бедных, коэффициент при этой переменной оказывается значимым не менее чем на 10%-ном уровне во всех моделях, при этом доверительный интервал для $\exp(B)$ не включает в себя единицу. Обнаруженное изменение при переходе от 2019 г. к 2020 г. может быть связано с рядом произошедших в 2020 г. событий, в частности с ограничениями на работу в периоды локдаунов и после введения обязательной вакцинации работников в формальном секторе и, соответственно, ухудшением относительного положения формально занятых одновременно с появлением практик неформального вывода некоторых сотрудников на работу под влиянием обозначенных обстоятельств. Динамика макроэкономических показателей (см. рис. 1) не показывает расширения сегмента неформальной занятости в 2020 г., однако за наблюдаемой динамикой относительных показателей, по-видимому, может также скрываться неравномерный рост безработицы либо сокращение фактических трудовых доходов в двух этих сегментах рынка труда. Таким образом, в период развития пандемии COVID-19 переход к неформальной занятости мог выполнять роль адаптационного механизма, обеспечивающего не только сохранение доходов за счет ухода от налоговых платежей, но и сохранение занятости в целом. Кроме того, существенным фактором снижения рисков монетарной бедности среди занятых в неформальном секторе могло стать включение в программу выплат по безработице в период пандемии — такие работники могли получить доступ к мерам государственной поддержки в дополнение к доходам от занятости, а не взамен их. Эти предположения требуют более глубоких и предметных исследований.

Соотношения шансов попадания в бедность между категориями респондентов, выделенными в других переменных, при переходе от 2019 г. к 2020 г. оказываются устойчивыми.

Как видно из табл. 4 и 5, более низкие шансы попадания в бедность в оба периода наблюдаются среди мужчин (они составляют около 0,8 от риска попадания в бедность для женщин) и лиц пенсионного возраста (соотношение шансов попадания в бедность у групп респондентов в возрасте 50–59 лет и 60 лет и старше с референтной группой 15–19-летних составляет порядка 0,25 и 0,2 соответственно). По сравнению с респондентами, проживающими в крупнейших городах (Москва, Санкт-Петербург), более высокие шансы попадания в бедность обнаружены среди жителей сельской местности (соотношение шансов достигает 1,7 раза), а более низкие — среди жителей областных центров, однако последнее различие значимо только в моделях 2019 г. Респонденты со средним специальным образованием характеризуются в 1,5–1,9 раза более высокими шансами попадания в бедность по сравнению с респондентами с высшим образованием (в том числе неоконченным). То же соотношение для респондентов с образованием ниже среднего специального достигает 2,2–2,8 раза в разных моделях. Относительно высокий должностной статус — наличие подчиненных у респондента — связан со статистически значимо более низкими рисками бедности.

Наличие несовершеннолетних детей в домохозяйстве связано с повышением риска бедности. По сравнению с бездетными домохозяйствами, для домохозяйств с одним ребенком шансы попадания в бедность увеличиваются примерно вдвое, а для имеющих в составе двоих и более детей — в 6–7 раз. При переходе от 2019 г. к 2020 г. описанные различия слегка сглаживаются (см. табл. 4 и 5), что может быть связано с введением дополнительных денежных выплат отдельным категориям семей с детьми в период пандемии в России.

Наличие пенсионеров в домашнем хозяйстве связано с пониженными шансами попадания респондента в число бедных. По-видимому, такой результат можно объяснить в том числе тем, что в выборке представлены домохозяйства работающих (или неофициально подрабатывающих) пенсионеров, уровень доходов которых оказывается выше прожиточного минимума в связи с действующей программой доплат к пенсиям; частично этим же объясняется и коэффициент при этой возрастной группе в переменной возраста; для более корректной интерпретации этих результатов может потребоваться построение отдельных регрессий для домохозяйств разных типов с учетом их структуры.

Таблица 5. Результаты оценки логистической регрессии: связь бедности со статусом занятости и основными социально-демографическими характеристиками респондента и домашнего хозяйства, в котором он проживает. Модель 2: широкий набор переменных, с учетом формы собственности организации / предприятия, на котором занят респондент, 2019 и 2020 гг.

		2019		2020	
		Exp(B)	Стат. значимость	Exp(B)	Стат. значимость
Пол	Мужской	0,761	0,003	0,842	0,062
	Женский (реф.)	1		1,000	
Возраст	60 лет и старше	0,111	0,003	0,176	0,003
	50-59 лет	0,444	0,156	0,256	0,011
	40-49 лет	0,800	0,680	0,462	0,144
	30-39 лет	0,641	0,415	0,373	0,065
	20-29 лет	0,925	0,888	0,431	0,114
	15-19 лет (реф.)	1		1	
Образование	Ниже среднего специального	2,865	0,000	2,161	0,000
	Среднее специальное	2,046	0,000	1,405	0,011
	Неоконченное высшее и выше (реф.)	1		1,000	
Состояние здоровья (самооценка)	Плохое	1,184	0,656	1,008	0,982
	Среднее	1,259	0,077	1,216	0,105
	Хорошее (реф.)	1		1,000	
Тип поселения	Село/ПГТ	1,642	0,037	1,730	0,019
	Город	0,949	0,830	1,166	0,509
	Областной центр	0,581	0,037	0,798	0,350
	Москва/Санкт-Петербург (реф.)	1		1	
Наличие пенсионеров в домохозяйстве	Есть	0,516	0,000	0,545	0,000
	Нет (реф.)	1		1	
Наличие детей до 18 лет в домохозяйстве	2 и более детей	7,428	0,000	6,573	0,000
	1 ребенок	2,349	0,000	2,124	0,000
	Нет (реф.)	1		1	
Статус занятости	Полностью неформальная	1,589	0,017	0,504	0,002
	Частично неформальная	1,144	0,789	1,010	0,984
	Формальная (реф.)	1		1	
Наличие подчиненных	Нет	1,690	0,003	1,689	0,001
	Есть (реф.)	1		1	

		2019		2020	
		Exp(B)	Стат. значимость	Exp(B)	Стат. значимость
Продолжительность рабочей недели	39 часов и менее	1,132	0,388	1,238	0,124
	40 часов и более (реф.)	1		1	
Наличие дополнительной работы или приработка	Есть	0,789	0,554	0,639	0,291
	Нет (реф.)	1		1,000	
Статус собственности предприятия/организации	Частная собственность	0,812	0,078	0,760	0,017
	Государственная собственность (реф.)	1		1	
Размер выборки		4334 наблюдения 2756 кластеров		4497 наблюдений 2671 кластер	
Псевдо-R ² (Нейджелкерк)		0,246		0,210	

Примечание: Модели значимы на уровне $p = 0.01$.

Источник: авторские расчеты на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ 2019 и 2020 гг.

Статус здоровья респондента оказывается статистически не значим практически во всех моделях при контроле на прочие социально-демографические параметры и характеристики занятости. Это может быть связано с тем, что, во-первых, выборка регрессии ограничена занятыми респондентами (те респонденты, которые по состоянию здоровья остаются экономически неактивными и для которых этот параметр оказывается наиболее значимым как с точки зрения занятости, так и с точки зрения материальной обеспеченности, выпадают из поля нашего зрения), а во-вторых, с тем, что состояние здоровья респондента обуславливает режим его занятости, должностной статус и прочие ее параметры — влияние этой переменной может проявляться через другие регрессоры.

5. Ограничения и перспективы работы

Полученные в работе результаты следует интерпретировать с осторожностью по ряду причин. В первую очередь ограничения анализа связаны с особенностями эмпирической базы исследования. Так, эволюция опросного инструментария данных РМЭЗ НИУ ВШЭ на выбранном длинном горизонте может нарушать сопоставимость отдельных показателей — об этом сказано в примечаниях к рисункам и таблицам в тексте. Кроме того, структура опросников не позволяет в явном виде выделить самозанятых респондентов, динамика численности, поведения и положения которых представляет самостоятельный интерес. Тем не менее, по нашему мнению, приведенные в работе оценки отражают масштаб явлений и основные направления происходящих изменений.

Полученные в ходе регрессионного анализа результаты за два года — предпандемийный и пандемийный — представляют интерес с точки зрения изменения связи неформальной занятости с рисками монетарной бедности на фоне произошедшего шока и введения экстренных

мер регулирования. Однако в перспективе для тестирования устойчивости этих закономерностей необходимой представляется оценка моделей за другие периоды, как предшествующие, так и последующие. Мы предполагаем, что эффект пандемии COVID-19 является уникальным в силу эксклюзивности введенных во время ее старта мер, и положительная связь неформальной занятости с рисками домохозяйственной бедности должна наблюдаться и до 2019 г., возможно, ослабевая, но не меняя направления, в периоды экономических шоков — финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. и спада российской экономики в 2014–2016 гг. За рамками этой работы также остался анализ динамики показателей безработицы, который может дополнить описанную картину и частично объяснить изменения в относительном положении формально и неформально занятых респондентов в 2019–2020 гг. Эти предположения нуждаются в проверке.

Наконец, необходимо отметить, что авторы представленного исследования работают с репрезентативными массивами данных РМЭЗ и фокусируются на кросс-секционном анализе, что позволяет выявить ключевые изменения, но затрудняет интерпретацию связи между показателями, включенными в рассмотрение. При интерпретации регрессионных результатов мы можем говорить лишь о наличии статистической связи, но не о направлении влияния: так, занятость в неформальном секторе экономики может обуславливать материальное положение респондентов, однако и низкое материальное положение, бедность может вынуждать респондентов искать любые возможности оплачиваемой занятости и таким образом выталкивать на неформальный рынок труда. В связи с этим перспективным направлением могут стать разработка панельных данных и исследование переходов респондентов из формальной занятости в неформальную (и наоборот) на фоне различных экономических шоков и связанных с этим эффектов с точки зрения рисков монетарной бедности на индивидуальном и домохозяйственных уровнях.

6. Обсуждение результатов и заключение

Проведенный анализ показал, что на протяжении последних 20 лет в среднем около четверти российских занятых были включены в неформальный рынок труда по основной или дополнительной работе. При этом включенность в неформальную занятость по основному месту работы во всех группах населения, за исключением самой молодой, растет в период экономического кризиса 2009 г., незначительно сокращается в 2010–2013 гг. и снова увеличивается на фоне ухудшения экономической ситуации, начавшегося в 2014 г., что подтверждает первую гипотезу нашего исследования.

Занятость с получением части или всей оплаты труда на основной работе неофициально — то есть без заключения формального контракта или с указанием в нем оплаты труда ниже фактической, с нарушением норм действующего регулирования — в большей степени распространена среди мужчин, молодежи и лиц раннего трудоспособного возраста, а также граждан с образованием ниже среднего специального. При этом в структуре занятых, получающих часть или всю оплату труда неофициально, преобладают, хотя и с незначительным перевесом, женщины, лица в возрасте 30–49 лет, а также граждане со средним специальным образованием.

Разработка данных РМЭЗ подтверждает, что на российском рынке труда на протяжении 2000–2020 гг. существуют несколько зон неформальности, в которых могут действовать разные мотивы к деформализации занятости (эти выводы подтверждают и другие работы — см. [Гимпельсон, Зудина, 2011; Вередюк, 2016] и др.; схожая ситуация наблюдается и за рубежом [Williams et al., 2011]).

Результаты, полученные при анализе композиции неформально занятых по уровню образования, подтверждают выводы предыдущих работ о существовании низкоквалифицированной занятости в неформальном секторе — этот сегмент сохраняется по причине нехватки формальных рабочих мест для работников низкой и средней квалификации. Такая занятость связана с незащищенностью работников и отсутствием основных трудовых и социальных гарантий, повышенными рисками бедности в целом и особенно в период экономических шоков.

Вторая зона — занятость только в формате неформальных подработок («случайная занятость»). Существующие исследования показывают, что она является фактором бедности и неравенства несмотря на то, что одновременно выступает механизмом сглаживания доходной дифференциации и инструментом повышения благосостояния для отдельных групп населения, не имеющих возможности найти постоянную занятость [Карабчук, 2005]. Оценки, полученные в рамках данной работы, свидетельствуют, что практика заключения формального трудового контракта на дополнительной работе или эпизодических подработках в России распространена достаточно слабо — менее чем в $\frac{1}{4}$ случаев. При этом неформальные подработки могут быть осознанным выбором работников несмотря на высокие риски нестабильности этой зоны занятости (например, это релевантно для пенсионеров — в целях сохранения прав на получение пенсионных выплат в полном объеме).

Наконец, третья зона — частичный уход в неформальный сектор при сохранении официального трудового контракта по основному месту работы, то есть получение части трудовых доходов неофициально при наличии формального статуса занятого и основных социальных и трудовых гарантий. Эта стратегия поведения может быть как вынужденной, так и осознанной. В сфере высококвалифицированного труда частичный уход в теневой сектор может быть связан с более высоким уровнем доходов и более низкими рисками монетарной бедности по сравнению с формальным сектором занятости, однако для оценки распространенности такого поведения и выявления обозначенной связи требуются дополнительные исследования.

Регрессионный анализ показывает наличие статистически значимой связи между включенностью в неформальный рынок труда и рисками монетарной бедности: полностью неформальная занятость в 2019 г. связана с более высокими шансами попадания домохозяйства, в котором проживает респондент, в бедность, а в 2020 г. — с более низкими. Таким образом, вторая гипотеза работы — о связи неформальной занятости с повышенными рисками бедности населения — подтверждается для 2019 г., но опровергается для 2020 г. на фоне связанных с пандемией изменений на рынке труда. В опубликованной на сегодняшний день литературе можно найти свидетельства того, что в некоторых странах неформальная занятость, действительно, способствовала восстановлению доходов населения и выполняла роль компенсационного механизма на фоне пандемии [Alvarez, Pizzinelli, 2021]. Однако этот результат заслуживает отдельного внимания и более детальных исследований, поскольку обнаруженное изменение в российском контексте может быть связано как с переходом части работников в неформальный сектор и ухудшением относительного положения формально занятых в связи с ограничениями, введенными на национальном рынке труда в период пандемии (временная приостановка работы предприятий в 2020 г., введение обязательной вакцинации в отдельных сферах занятости), так и с эффектом от принятых на фоне пандемии COVID-19 мер государственной поддержки, в том числе увеличения пособия по безработице, в программу которого могли включиться неформально занятые граждане.

Благодарность

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Список литературы

- Аникин В.А., Тихонова Н.Е. (2014) Бедность в России на фоне других стран // Мир России. Социология. Этнология: 23(4): 59–95. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4950/5315>
- В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда. (2014) / Под ред. В.Е. Гимпельсона и Р.И. Капелюшника. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ. URL: <https://id.hse.ru/data/2015/04/18/1340729365/B%20тени%20регулируем.pdf>
- Вередюк О.В. (2016) Неформальная занятость: структура и факторы риска в России // Вестник СПбГУ. Серия 5. Экономика: 4: 33–48. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2016.402>
- Воскобойников И.Б., Гимпельсон В.Е. (2015) Рост производительности труда, структурные сдвиги и неформальная занятость в российской экономике // Вопросы экономики: 11: 30–61. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-11-30-61>
- Гимпельсон В.Е. (2002) Занятость в неформальном секторе в России: угроза или благо? Препринт WP4/2002/03. М.: ГУ ВШЭ. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/v05iaf00gp/direct/78124619.pdf> (дата обращения: 18.07.2021).
- Гимпельсон В.Е., Зудина А.А. (2011) «Неформалы» в российской экономике: сколько их и кто они? // Вопросы экономики: 10: 53–76. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2011-10-53-76>
- Зудина А.А. (2013) Неформальная занятость и субъективный социальный статус: пример России // Экономическая социология: 14(3): 27–63. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2013/08/14/1291342150/ecsoc_t14_n3.pdf
- Капелюшников Р.И. (2013) Неформальная занятость в России: что говорят альтернативные определения? // Журнал новой экономической ассоциации: 4(20): 52–83. URL: <http://journal.econorus.org/pdf/NEA-20.pdf>
- Карабчук Т. (2005) Случайная занятость и бедность // Полетаев А. (ред.) Изучение проблем бедности в России. М.: Алекс. С. 96–123.
- Каримов А.Г., Фаткуллина Г.Р. (2021) Неформальная занятость как фактор бедности работающего населения // Фундаментальные исследования: (1): 61–5. <https://doi.org/10.17513/fr.42950>
- Магомедова Д.Г., Магомедова Э.Р. (2012) Рост теневой экономики – главный фактор обеспечения занятости и снижения уровня бедности в депрессивных регионах Северного Кавказа // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки: 5: 49–54. URL: http://vestnik.dgu.ru/Stat/12_5_8.pdf
- Муханова М.Н. (2017) Структура занятости сельского населения в неформальном секторе // Социологический журнал: 23(2): 74–95. <https://doi.org/10.19181/socjour.2017.23.2.5161>
- Овчарова Л.Н., Красильникова М.Д., Пишняк А.И. (2021) Мониторинг социально-экономического положения и социального самочувствия населения: итоги 2020 года / Под ред. Л.Н. Овчаровой. М.: НИУ ВШЭ. URL: https://isp.hse.ru/data/2021/04/30/1381379417/Апрель_2021_Мониторинг_ВШЭ_для_размещения.pdf
- Синявская О.В. (2005) Неформальная занятость в России: измерение, масштабы, динамика // Экономическая социология: 2: 12–28. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204930/ecsoc_t6_n2.pdf#page=12
- Alvarez J., Pizzinelli C. (2021) COVID-19 and the Informality-driven Recovery: The case of Colombia's Labor Market // IMF Working Paper WP/21/235. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/>

WP/Issues/2021/09/17/COVID-19-and-the-Informality-driven-Recovery-The-Case-of-Colombia-s-Labor-Market-465831

Cichocki S., Tyrowicz J. (2010) Shadow employment in post-transition — Is informal employment a matter of choice or no choice in Poland? // *The Journal of Socio-Economics*: 39(4): 527–35. <https://doi.org/10.1016/j.socec.2010.03.003>

ILO (2002) Decent work and the informal economy. Sixth item on the agenda. International Labour Conference, 90th Session, Report VI. URL: <https://www.ilo.org/public/english/standards/relm/ilc/ilc90/pdf/rep-vi.pdf> (дата обращения: 07.09.2021)

ILO (2003) Seventeenth International Conference of Labour Statisticians. Report of the Conference, ICLS/17/2003/4. URL: <https://www.ilo.org/public/english/standards/relm/gb/docs/gb289/pdf/icls-17.pdf> (дата обращения: 07.09.2021)

Kim Y.S., Matytsin M., Freije S. (2019) Informal Employment and Worker's Well-Being in the Russian Federation. World Bank Policy Research Working Paper, No. 8989. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/701161566307007499/pdf/Informal-Employment-and-Workers-Well-Being-in-the-Russian-Federation.pdf>

Loayza N.V., Rigolini J. (2011) Informal employment: Safety net or growth engine? // *World Development*: 39(9): 1503–15. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2011.02.003>

Sharma B.P., Adhikari D.B. (2020) Informal Economy and Poverty Dynamics: A Review // *Quest Journal of Management and Social Sciences*: 2(1): 130-40. <https://doi.org/10.3126/qjmss.v2i1.29028>

Williams C.C., Round J., Rodgers P. (2011) Explaining the Normality of Informal Employment in Ukraine: A Product of Exit or Exclusion? // *The American Journal of Economics and Sociology*: 70(3): 729–55. <https://doi.org/10.1111/j.1536-7150.2011.00789.x>

Williams C.C., Windebank J. (2015) Evaluating competing theories of informal employment: some lessons from a 28-nation European survey // *International Journal of Business and Globalisation*: 15(1): 45–62. <https://doi.org/10.1504/IJBG.2015.070223>

Другие источники данных

PMЭЗ НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/rfms/> (дата обращения: 01.09.2021)

Росстат. Методологические положения по измерению занятости в неформальном секторе экономики. URL: https://www.gks.ru/bgd/free/b99_10/isswww.exe/stg/d030/i030150r.htm (дата обращения: 19.06.2021).

Приложение 1

Таблица П1. Размер подвыборки респондентов, включенных в анализ для оценки распространенности неформальной занятости, 2000–2020 гг., человек

Год	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
N	3584	3757	3768	3773	3740	3534	4765	4705	4563	4388	7886
Год	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	
N	7795	7731	7294	5752	5453	5351	5261	5068	5107	7526	

Информация об авторах

- Светлана Сергеевна Бирюкова — к.э.н., научный редактор, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, 119034, Россия; ведущий научный сотрудник Центра комплексных исследований социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Email: svtl.biryukova@gmail.com
- Оксана Вячеславовна Синявская — к.э.н., заведующая Центром комплексных исследований социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Россия. Email: osinyavskaya@hse.ru
- Дарья Евгеньевна Карева — младший научный сотрудник Центра комплексных исследований социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Россия. Email: dkareva@hse.ru